

ВЯЧЕСЛАВ
ПЬЕЦУХ

ИСКУССТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Вячеслав Алексеевич Пьецух

Искусство существования (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319422

Вячеслав Пьецух. Искусство существования: ЭНАС; Москва; 2009
ISBN 978-5-93196-959-6

Аннотация

Как жить в этом сложном современном мире, с его проблемами и кризисами, усугубляющими нашу вечную российскую неустроенность? Как не растерять главные духовные и нравственные ценности, на которых воспитала нас Великая русская литература? Точных ответов нет. Но можно прислушаться к мудрым советам замечательного русского писателя Вячеслава Пьецуха; квалифицированный читатель (по излюбленному определению автора) найдет их в этой книге. В нее включены новые произведения, а также рассказы разных лет, объединенные общей темой; она – в названии сборника.

В одном из своих блестящих эссе Пьецух писал, что «в России не бывает совершенно одиноких людей, уже 200 лет не существует беспросветного одиночества как этической категории, поскольку всегда с тобой верный товарищ – Пушкин, который, если что, и утешит, и порадует, если что». Таков и он сам: и развеселит, и заставит задуматься, и поможет в трудную минуту...

Содержание

Со своей колокольни	4
Искусство существования	4
История заблуждений	12
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Пьецух

Искусство существования

Со своей колокольни

«Что делать?» – Сухари сушить.

«Кто виноват?» – Все виноваты.

«Ну и что?» – Да, собственно, ничего.

Искусство существования

Много лет тому назад Иван Сергеевич Тургенев, глубоко опечаленный состоянием отечественных дорог, пришел к заключению, что «в России жить нельзя», и, не мешкая, выехал на постоянное место жительства за рубеж. Однако практика показала, и поднесь показывает, что можно, и даже у нас можно жить припеваючи, если освоить *искусство существования*, то есть мало-помалу насобачиться так управлять своим краткосрочным пребыванием на земле, чтобы сама собой источала радость (оно же счастье) даже такая ерунда, как бутерброд с ливерной колбасой.

Счастье бывает острое и хроническое. Острое – это в большинстве случаев реакция на победу в продолжительной и многотрудной борьбе за что угодно, хоть за лишние десять соток, хоть за распределение по труду. Это – когда вы без памяти влюблены, и весь божий мир вам как бы подпевает на разные голоса. Такое еще случается с человеком в часы заката, если он сидит в одиночестве на берегу тихой реки или на скамеечке у ворот, наблюдает, как медленно, будто в задумчивости, уходит на покой дневное светило, и вдруг его всего точно окатит мысль: нет ничего слаще обыкновенной жизни, просто жизни, при том, конечно, условии, что ты – человек вникающий, то есть собственно человек.

В свою очередь, счастье хроническое подозрительно напоминает любое другое неизлечимо-хроническое заболевание, вроде диабета или гипертонии, которое неразлучно с тобой, как мысль. Это – когда тебе давно и доподлинно известно, что счастье есть всего-навсего отсутствие несчастья, когда ты изо дня в день как-то подробно ощущаешь работу своего духовного организма, утешаешься тем, что у тебя чистая совесть, и при этом тебя переполняет сознание личного бытия.

В том-то и состоит искусство существования, чтобы, с одной стороны, холить и лелеять эту самую хронику, а с другой стороны, время от времени провоцировать обострение, иной раз даже резко-принудительного характера, если оно не приходит само собой. Например, по весне, когда развивается авитаминоз и нервное истощение, как-то все не ладится, супруга злится и у нее иногда страшно загораются глаза, – хорошо бывает взять отпуск за свой счет и махнуть куда-нибудь подальше, на поиски тех благословенных мест, которые называются – «пуп земли».

Доступнее всего в нашем пиковом положении, то есть в положении трудящегося, который перебивается «с петельки на пуговку», будет путешествие в Псковскую губернию, в Святогорье, в селцо Михайловское, некогда принадлежавшее Александру Сергеевичу Пушкину, могучему российскому писателю семитского происхождения (если кто о нем не слышал), которому Аполлон Григорьев дал глупое прозвище «Наше Всё». Сто против одного: такое нахлынет обострение, что от него потом долго не отойдешь.

Как прибудешь во Псков, сразу начинаются чудеса. Дорога на Святогорье, которое большевики сдуру переименовали в Пушкиногорье, это не дорога, а долгосрочное оборонительное сооружение, потому что по ней никакая вражеская техника не пройдет. Другое чудо: середина марта, соседняя Тверская губерния еще вся лежит в снегах, грязно-белых, как давно не стиранное белье, а тут веет чем-то средиземноморским, поскольку кругом сухо, солнышко светит, землей пахнет и радуют глаз бедно-зеленые, умильные тона; и столетние ели, далеко уходящие в небо, зелены, и мох на валунах, и тесовые крыши часовенок, и трава. И так вдруг радостно, хорошо делается на душе, словно тебе объявили дополнительный день рождения, за то что ты незлой и покладистый человек.

Третье чудо: безлюдье; живучи в Михайловском не в сезон, редко встретишь живого человека, как будто ты в Австралии какой очутился, где скорее наткнешься на крокодила, нежели на аборигена с детским лицом, а не на северо-западе России, где на сто квадратных километров пространства обязательно приходится одна бабушка с лопатой, один человек с ружьем. До того дело доходит, что если увидишь издали поселянина, скажем, на противоположном берегу Сороти, то даже оторопеешь, – так это покажется странным, недостоверным, как спиритизм.

Четвертое чудо, особенно радостное: телевизор в Михайловском показывает только две программы (православную и про рыбалку), и, таким образом, тут ничто не мешает чувствовать и вникать. Бывало прогуливаешься в Михайловском парке – пруды уже очистились ото льда, и карп может высунуть ноздри над водой, точно он принимает к атмосфере, а то белочка прошмыгнет под ногами, попрошайничая, и вдруг грянет такая мысль: может быть, это и есть Вседержитель – те самые два таинственных гена, которыми отличается карп от белочки, а белочка от тебя. Выйдешь за ограду усадьбы, миновав пушечку для стрельбы по гостям, – пара белоснежных лебедей, он и она, медленно скользят по зеркалу Сороти, похожие на миниатюрные айсберги, и сразу до колотья под ложечкой захочется мучиться и любить.

Точно тут «пуп земли», хотя бы потому, что нигде, кроме как в Михайловском, не думается так стремительно и легко. Даже три роковые русские загадки постепенно находят убедительные разгадки, и в конце концов покажется, что больше вопросов в природе нет. «Что делать?» – Сухари сушить. «Кто виноват?» – Все виноваты. «Ну и что?» – Да, собственно, ничего.

В гостевом домике, который в действительности представляет собой приятный двухэтажный беленький особнячок, тоже пустынно – одна дежурная сидит в прихожей под лампой, почитывает что-то и норовит вступить в разговор про Александра Сергеевича, который-де томился здесь в ссылке за то, что писал непоказанные стихи.

– Всем бы такую ссылку! – бывало, ответишь ей.

Однако случается, что в гостевом домике невзначай поселится пара-другая молодых людей из интеллигентных, даром что они занимаются операциями с недвижимостью, и по вечерам с ними бывает занятно поговорить. В кухне, смежной с огромной общей столовой, готовится какой-то экзотический чай, дамы подают сласти и бутерброды с разной разностью, все рассаживаются за длинным-предлинным столом, какие бывают в замках, и сразу заводится российский, то есть отвлеченный, нервный, бестолковый, зажигательный разговор, который волнует, как легкий наркотический препарат.

– Слыхали: Пичужкин умер?

– Это еще что за птица?

– Да был такой диссидент, который тридцать лет боролся с советской властью и, нужно отдать ему должное, победил. Кристальной души был человек и бесстрашный, как бегемот. Вообще замечательные у нас попадаются мужики: тридцать лет этот мученик писал разные воззвания, восемь раз выходил протестовать к Лефортовскому узилищу, долго мыкался

по психушкам и лагерям, одну почку потерял, с семьей расплевался – все ради торжества священных гражданских прав! И вот когда в стране кончились макароны, начались веерные отключения электричества, пошла стрельба по городам и весям, как на войне, словом, когда этот мученик насмотрелся на плоды своих героических усилий, он поехал с лекциями в Соединенные Штаты, и был таков. Там ему, кстати, вставили новую почку как пострадавшему в борьбе за реальный капитализм.

– Но согласитесь, что большевики со временем настолько впали в идиотизм, что их режим стал положительно нетерпим! Вспомните эти дурацкие выездные комиссии, варварскую цензуру, форменный террор против любого инакомыслия, – наконец, вечные очереди за всякой чепухой, включая туалетную бумагу, которой и пользоваться-то нельзя! Естественно, что порядочный человек не мог не протестовать против этого (прошу прощения) бардака!

– С другой стороны, чем был плох принцип «от каждого по способностям, каждому по труду»? Если ты водопроводчик с неоконченным средним образованием, то получай свои сто двадцать целковых в месяц и ютись в однокомнатной квартирке с видом на котлован. Если ты большой ученый или выдающийся кинематографист, то вот тебе дача на Николиной Горе и персональный автомобиль. А кто у нас нынче обитает на Николиной Горе, это при демократических-то вольностях и свободе слова? Разная сволота! Я хочу сказать, что стоило ликвидировать выездные комиссии, как доминирующими фигурами в нашем обществе стали стяжатель и прохиндей!

– Позвольте: и сейчас у нас господствует принцип «от каждого по способностям, каждому по труду»? Возьмите спичечного магната Фрумкина, у которого два высших образования, семь пядей во лбу, четверо детей, любовница и жена... Вы думаете, что Фрумкин только и делает, что катается на лыжах в Давосе, ловеласничает и пьет тысячное вино?! Да он вкалывает по двадцать часов в сутки, покоя не знает и дает государству такую прибыль, какую десять тысяч водопроводчиков не дадут!

– Это Фрумкин-то получает по труду?! Он (прошу прощения) по хитрожу... своей получает, по беспринципности, алчности, но только не по труду!

– А я вам так скажу: истину в последней инстанции много лет тому назад озвучил...

– Извиняюсь: по-русски правильнее будет сказать не «озвучил», а «огласил».

– ...Ну, хорошо: огласил один персонаж из кинофильма «Чапаев», которого сыграл гениальный Борис Чирков. Белые, говорит, пришли – грабят, красные пришли – то же самое грабят, ну куда христианину податься! Вот вам история государства Российского, что называется, в двух словах.

– Истинная правда! Дело вовсе не в социально-экономическом устройстве, а в человеке, который до сих пор настолько неразвит как человек, что если бы действительно существовал ад, то он превратил бы его в прибыльное предприятие по утилизации бытовых отходов. А если бы действительно существовал рай – спровоцировал бы в саду Эдемском межэтническую войну. Я веду к тому, что диссидент Пичужкин ерундой занимался; не с коммунистическим режимом нужно было бороться, а с человеком, вернее, с недочеловеческим в человеке, которое исстари к нему пристало, как банный лист. Человек – сволочь, вот в чем всё дело; тут вам вся политэкономия и диалектический материализм!

– Но тогда и большевики ленинского призыва дурью маялись, чего их всех и перестреляли в 37-м году.

– И опять я с вами согласен! Властители приходят и уходят, а хомо сапиенс по-прежнему никакой не сапиенс, а бог его знает кто! Словом, что-то надо делать с человеком, иначе до окончания века это будет не жизнь, а «чертово колесо».

– Да что делать-то?!

– На этот вопрос у меня есть такая рекомендация: сухари сушить.

Поскольку всем ясно, что в ближайшие десять тысяч лет с человеком не совладать, собеседникам вдруг взгрустнется и они разойдутся по номерам. Разве дамы задержатся на кухне, чтобы помыть посуду, и после в нашем домике воцарится так называемая мертвая тишина.

Впрочем, если вы не любите мыть посуду и готовить себе еду, то можно пройтись километра полтора до деревни Бугрово, где есть ресторан, стилизованный под трактир. Дорога идет все еловым лесом, древним, дремучим, и, видимо, оттого путника здесь тоже поджидают... чудеса не чудеса, а что-то отдающее в чудеса. Например, идешь себе, остро наслаждаясь покоем в природе, как неким контрапунктом содому человеческого сообщества, и вдруг увидишь сыча, который смиренно сидит на высохшем дереве и притворяется спящим, а на самом деле наблюдает за тобой из-под правого века и точно намеревается подмигнуть.

До того не в сезон в этих местах бывает безлюдно, что и в трактире на удивление – никого. Целых три зала простаивают зря, вероятно, немалый штат поваров напрасно ножи точит, девушки-официантки скучают по углам, а гость редок, да и тот норовит не отобедать по-русски, именно натрескаться настоящих кислых щей, да пельменей, да блинов со сметаной, а норовит на скорую руку выпить и закусить. Первое, то есть выпить, – занятие по здешним местам бессмысленное, потому что в Святогорье, по какой-то таинственной причине, спиртное публику не берет.

На обратном пути в Михайловское может встретиться огромная собака неопределенной породы, которая возьмется вас проводить. До самого гостевого домика она будет семенить несколько впереди, время от времени оглядываясь и делая вам глаза. Кажется, вот-вот заходит кругами и заведет сказку про Лукоморье, даром что она вовсе собака-девочка, а не кот.

Кстати, о горячительных напитках: в действительности это расчудесное занятие – выпить и закусить. Самые добрые мысли, самые светлые побуждения, самые душевные разговоры обычно возникают за стаканчиком русского хлебного вина, если, конечно, вы не только пьющий человек, но еще и соображающий, что к чему. Ну, что такое, в самом деле: погода за окном собачья, совершенно по нашему несчастному климату (положим, это будет снег с дождем в середине мая), дела на службе не ладятся, жена куда-то ушла, и неизвестно, когда вернется, сам весь в долгах, как в шелках, где-то далеко, на Кавказе, взрослые мужики воюют «за сена клоки», по телевизору показывают разные гадости, вообще тоска и душа побаливает – ну как тут не выпить с соседом по лестничной площадке, который тебе сочувствует с давних пор...

Стало быть, усядемся по национальному обыкновению на кухне, добудем заветную поллитровочку, припрятанную от жены в сливном бачке унитаза, наладим закуску (пускай это будут ломти «бородинского» хлеба, поджаренные на постном масле, с селедкой в томатном соусе) – и вперед!

Как выпьешь стаканчик-другой, так сразу нагрянет такое чувство, словно кто тучи разогнал за окном, словно внутри зажглась теплая лампочка, и как-то вдруг приятно защемит в районе поджелудочной железы.

Тут как раз потянет на разговор. Возьмешь вдруг и скажешь:

– Толстой велик и светел, Достоевский велик, но затхл. А, допустим, Бальзак перед ними – мальчишка, бытописатель и хроникер!

Сосед поинтересуется:

– Это ты к чему?

– К тому, что только народ-исполин мог дать миру таких гениев художественного слова, каковы Федор Достоевский и Лев Толстой! А мы живем так, словно их и не было никогда, как масаи какие-нибудь, только что кровь с молоком не пьем...

– Сушая правда! Я все пил: тормозную жидкость пил, политуру пробовал, самогон из мухоморов – это дай сюда, даже мебельный лак употреблял, а вот кровь с молоком не пил.

– Зачем же ты, спрашивается, занимался такой отравой?

– Чтобы о смерти не думать, когда на «Столичную» денег нет. Ну совсем меня замучили, так сказать, гробовые мысли на склоне лет!

– Вообще думать надо меньше. Вот ответ: ты часто задумываешься о том, что Земля безостановочно несется по кругу со скоростью двадцать четыре километра в секунду, и ты вместе с ней безостановочно мчишься во мраке Вселенной неведь куда?

– Никогда не задумываюсь...

– То-то и оно! А ведь это тоже жутко: ты полагаешь, что сидишь на любимом стуле и пьешь чай с лимоном, а это, оказывается, во-вторых; во-первых, ты со скоростью двадцать четыре километра в секунду мчишься во мраке Вселенной неведь куда. То же самое и о смерти не надо думать, потому что это тоже жутко, – сиди себе и пей чай с лимоном, иначе закончишь свои дни в известном заведении на улице Матросская Тишина.

Кстати, и о собаках как о чрезвычайно важном элементе человеческой жизни, и в связи с тем многозначительным обстоятельством, что этих животных на земле немногим меньше, чем людей, и гораздо больше, чем лошадей.

Хотелось бы выяснить, почему? Сдается, потому они так расплодились, что человеку без собаки в той или иной степени не житье. Лошадь существо полезное, но дура, корова дает молоко, но с ней невозможно поговорить, кошка давно мышей не ловит и эгоцентрична, как осьминог, свинья, она и есть свинья, а собаки – это младшие люди, мыслящие и благородные, способные даже посочувствовать по-человечески, если пришла беда.

К сожалению, не всем это известно, но вообще нет на свете такого императива, который был бы известен всем. Бывало, мать-покойница (царствие ей небесное) скажет:

– Вон ты своей собаке какие дорогие лекарства покупаешь, а родной матери только пирамидон.

– Мам! – бывало, ответишь ей. – Собаки – такие же люди, только лучше.

На это родительнице нечего возразить; может быть, ей вдруг припомнится отцовская овчарка Джек, вывезенная по репарациям из Германии, необычайно тонкое существо; когда меня ставили в угол за какую-нибудь детскую шалость, пес потихоньку таскал мне в угол баранки, которые он артистически умыкал с обеденного стола.

Правда, многие сетуют на то, что собаки не говорят. Это заблуждение – говорят, только они говорят интонационно, не с утра до вечера и всегда то, что думают, напрямки. Собака хнычет, когда у нее что-нибудь болит, деликатно молчит, уткнув морду в лапы, если хозяин задумался и молчит, и всегда поймешь по интонации ее лая, что именно она в каждом конкретном случае говорит. Залает на один манер (это когда ты только заворачиваешь в свой переулок) – значит «Здравствуй, хозяин, как я рада, что ты пришел!» Залает на другой манер, почуяв чужого за километр, – «Лучше иди отсюда, а то, не приведи господи, укушу!» Иной раз выпьешь лишнего, а она: «Опять нализался, такой-сякой!»

Вот была у меня собака Кити, добродушнейшая самочка из ротвейлеров (она, впрочем, не знала, что она ротвейлер), разумнее которой трудно было вообразить. Она понимала команды на трех европейских языках, подвывала вторым голосом, когда у нас бывали застоля с песнями под гитару, очень любила лечиться и всегда благодарила за укол, из какого-то детского любопытства виртуозно вскрывала мобильные телефоны и разворачивала конфетные фантики, охраняла от ворон лакомую провизию, если застолье случалось на лоне природы, и несколько раз на дню спрашивала глазами: «Не нужно ли еще как-нибудь услужить?»

То есть собака остро насущна в жизни человека по следующим причинам: это самое благовоспитанное и неукоснительно порядочное из всех живых существ, которые водятся

в вашем доме; она снимает боль одиночества; заведя щенка, вы исполняете завет предков насчет нерушимости союза собаки и кроманьонца, которому примерно семьдесят тысяч лет; собака воспитывает благоговение перед жизнью вообще, потому что из-за нее начинаешь подозревать чувственность у мышей; собака укрепляет в человеке гордое чувство самоуважения, поскольку он, оказывается, такой чудесник, что ему ничего не стоит воспитать верного друга из такого же беспощадного зверя, как крокодил; собака развивает в нас благородное изумление перед загадками природы, ибо даже зайца можно научить спички зажигать, как утверждает Чехов, но нельзя приручить жену.

Существует целый набор хитростей, которые помогают скрасить годы супружества, или, точнее выразиться (с опаской, однако, обидеть лучшую половину человечества), – скоротать. Например, если жена слишком уж на тебя осерчает и станет нудно ругаться за какое-нибудь мелкое мужское преступление (положим, ты потерял месячный проездной билет на метро), самое разумное – это заткнуть ей рот продолжительным поцелуем, чтобы у обоих аж дыхание прервалось.

Но вообще жена – это едва ли не центральная проблема существования, которую можно решить, а можно и не решить. Вся штука в том, что мы с ними ужасно разные, то есть такие разные, точно мужчины какого-нибудь гималайского происхождения, а женщин к нам послали из галактики Большие Магеллановы Облака. Вроде бы и мужчина – человек, и женщина – человек, но мы, допустим, любим рыбалку, они – с подружками покалякать, они лишний раз мухи не обидят, мы чуть что засучиваем рукава, они выходят замуж преимущественно по расчету, мы же женимся главным образом по любви.

Поэтому умные люди норовят обзавестись семьей поздно, на излете молодости, когда человека видать насквозь, и так, чтобы избранница была моложе хотя бы на десять лет. Такая разница в годах выгодна, в частности, потому, что жена до скончания века будет чувствовать в муже старшего брата, ежели не отца, и еще потому насущна, что в шестьдесят лет женщина уже никуда не годится, а мужчина еще *хорош*.

Конечно, любовь – феномен, причем злокозненный, и сглупу можно жениться первокурсником, на пожилой аферистке, дурочке, просто ровеснице с незаконченным средним образованием, которая так до самой смерти и останется ровесницей с незаконченным средним образованием, потому что женщины не растут, на холодной провинциалке, бесприданнице, неврастеничке – но это рок. Однако же не из тех предначертаний и разновидностей фатума, от которых нельзя оправиться, потому что ты волен жениться и во второй раз, и в третий, и в десятый, да вот только смысла нет, потому что лучше все равно не будет, а будет примерно как в прошлый раз.

Тогда, может быть, лучше всего вообще не жениться, а искусно существовать в одиночку, по завету Александра Сергеевича Пушкина, несчастнейшего из мужей: «Ты царь, живи один».

Тенет (они же узы) супружеской жизни тем легче избежать, что в молодые годы, когда сглупу женятся первокурсником, на пожилой аферистке, дурочке и так далее, любовь бывает, как правило, безответной, в расчете на одного. Почему-то это считается непереносимым горем, если избранница не отвечает тебе взаимностью, и некоторые даже травятся всякой дрянью, а то выбрасываются из окошка, если дело случается в городах. Между тем безответная любовь – тоже любовь, это просто такая разновидность счастья, поскольку так или иначе ты испытываешь целую гамму высоких переживаний, которые воспитывают душу и вообще всячески тебя рафинируют и востряют.

Только вот такая вещь: это в тридцать три года ты кум королю, а ближе к старости друзей-то уже не бывает, потому что они, в сущности, не нужны, и собака в полной мере не выручит, и работой не спасешься, а жена – это такой товарищ, который и по головке

погладит, и экстренную рюмочку нальет, и безошибочно на путь истинный наставит, потому что и женщины, и пути истинные – просты. А главное, всегда поплакаться есть кому.

О смерти как раз думать надо, и даже неотступно, как влюбленные думают друг о друге, а иноки о душе. Стопроцентная смертность – это, конечно, ужасно, и бесконечно мучительно воображать себя лежащим в лакированном ящике на глубине в метр пятьдесят сантиметров под землей, в сырости и во тьме, и невозможно смириться с мыслью, что когда-нибудь безнадежно опустеет твоя чудесная двухкомнатная квартира, а лет через пятьдесят в ней вообще поселится незнакомая сволота... Все так, и точно сбудутся гнетущие грезы, но: зато в тебе зреет благоговение перед бесценным даром жизни и ты мало-помалу учишься дорожить каждым мгновением бытия.

В конце концов, человек переживает за свой короткий век только два по-настоящему захватывающих путешествия: из тьмы материнской утробы на свет божий и от света божия – в область тьмы.

Главным образом, искусство существования заключается в том, чтобы, соображаясь с конструкцией мира, постепенно выстроить, как дома строят, свой собственный мир, не под дядю, а под себя. Например, все по утрам на работу ходят ради хлеба насущного и удовлетворения разных мелких потребностей, а ты не ходи; лежи себе на диване и почитывай мудрую книжку, которая приятно тревожит ум. Самое удивительное и даже фантастическое – это то, что в силу таинственного устройства российской жизни ты в любом случае будешь сыт, одет-обут и даже иной раз кто-нибудь сводит тебя в кино.

Или, например, все знакомые живут в городе и думают – так и надо, а между тем умные люди давно разобрались по дачам и деревням. Ну что такое, скажем, наша Первопрестольная? – чистой воды содом! Метрополитен – репетиция смерти, человек зажат между каменной стеной и передним бампером автомобиля, мимо зданий новейшей архитектуры проходишь, закрыв глаза, господствующий элемент народонаселения – уголовник, хоть он в офисе сиди, хоть разгуливай по улицам с ножиком в рукаве, по-русски почти не говорят, и вообще нации осталось мало, куда ни глянь – этнос какой-то шатается невразумительного происхождения, граждане мира с повадками детворы.

Другое дело деревня, особенно если она расположена за 101-м километром, как говаривали в старину, где влияние города или почти не ощущается, или не ощущается вообще. Бывало, подымешься, едва развидняется (кто любит жить, тот встает чуть свет), выйдешь за калитку на деревенскую улицу, оглядишься по сторонам и подумаешь: «Всех надул!» И действительно – на деревне тишина, как в первый день Творения, на берегах ни один лист не шелохнется, видно так далеко, что глазам больно, и вдруг почему-то нахлынет такое чувство, точно тебе, по крайней мере, пол-России принадлежит. А в каких-нибудь ста километрах к юго-востоку мать сыра земля сплошь закатана асфальтом, всюду торчат цветочные клумбы из сносившихся автомобильных покрышек, в воздухе, состоящем бог весть из чего, пахнет какой-то дрянью, рожи кругом такие, что, кажется, сейчас подойдет кто-нибудь, вытащит из-за пазухи бейсбольную битку и потребует кошелек.

В деревне же воздух пахнет амброзией, если еще не пришла пора сенокоса, а если колхоз откосялся и сено лежит в валках, то над деревней стоит дурман.

Особенно по осени запахи обостряются, хотя, казалось бы, природа мало-помалу впадает в спячку: как-то волнующе пахнет грибами, даже если они сошли, палой листвою, последними георгинами, кислыми печными дымами, которые низко стелются вдоль деревни, приятно раздражают обоняние и бодрят.

Осень вообще лучшее время года в деревне; уже чувствительно зябко и по утрам нужно топить печку «барскими» дровами, то есть вперемешку березою и ольхой, от которых по

дому распространяется сладкий дух; опять же, для тепла хорошо бывает выпить в «адмиральский час» граненый стаканчик русского хлебного вина и повернуть целую сковородку *своей* картошки, рассыпчатой и дебелой, о которой наши мужики говорят «слаще, чем ананас».

Даже ненастье в деревне, когда с утра до вечера дождик моросит или ветер за окошком воеет, срывая листья, которые кружат в мутном воздухе и чуть не совсем скрадывают видимость, точно снег пошел, – это не досадная неприятность и не метеорологическое явление, а факт биографии и даже что-то лично-физиологическое, как покалывание в боку.

И деревенские звуки какие-то живые, общительные, а не вынимающие душу, как в городах. Вот где-то за околицей мужики трактор заводят и все никак не могут завести; слышно, как через двор кто-то косу отбивает, как будто в колокольчик звонит; вон соседский петух, хворающий третий год, вдруг завопит благим матом, точно спросонья, но поперхнется и замолчит.

И народ деревенский по-своему замечательный, а главное, что это не этнос какой-нибудь, не граждане мира, а именно что народ. Лица у здешних обитателей бывают простые, рубленые, а бывают прямо аристократические (прежде земли в наших местах принадлежали господам Безобразовым), повадки у них достойные, образ мыслей – национальный, и в отдельных случаях они как по-писаному говорят. Например:

– Я, в общем, хорошо себя чувствую, но струя, конечно, уже не та.

Как известно, все болезни, за исключением насморка, бывают от переживаний; отсюда вывод – не надо переживать. Положим, сделал накануне какую-нибудь не деликатность и поутру казнишься, волосы на себе рвешь, а нет чтобы подвергнуть свой давешний проступок трезвому анализу, который обязательно убаюкает твою совесть, поскольку, во-первых, слаб человек, во-вторых, с кем не бывает, в-третьих, ты все-таки не деликатность сделал, а не украл. Или, положим, друг жену увел – опять же, ничего страшного, не исключено, что из этой драмы только тот и следует вывод, что у тебя есть настоящий друг.

Вообще самое важное в деле жизни – помнить великую французскую пословицу: «Единственное настоящее несчастье – это собственная смерть».

Предельно несчастный человек среди по-разному несчастных – это, видимо, атеист, если он не совсем дурак. Мало того, что атеист решил для себя «основной вопрос философии», и поэтому ему не так интересно жить, он еще глубоко неспокоен, запутан, и думы его мучительны, так как его до конца не удовлетворяет ни Энгельс, ни Фейербах.

С другой стороны, душевное равновесие как разновидность счастья свойственно по преимуществу искренне верующим людям, у которых к Богу вопросов нет.

По той причине, что атеист – это больше система биохимических реакций, а искренне верующий человек – такой же уник, как поэт, те и другие, похоже, наперечет. Огромное же большинство людей суть мятущиеся агностики, о которых говорят «ни богу свечка, ни черту кочерга», которые в Создателя напрочь не верят, но со смертью смириться не в состоянии и так или иначе чают вечного бытия.

Из видов душевного равновесия ловчее наоборот: в Создателя верить (точнее, не верить, а чувствовать, даже знать), а смерть принимать как увенчание конструкции, как формат, без которого не обходится ни одно произведение искусства, особенно такое многоплановое, как жизнь. Последнее требует известных усилий, бытие же Божие очевидно, как небо над головой. При том, разумеется, условия очевидно, что ты – человек вникающий, то есть собственно человек.

История заблуждений

Сколько существует человечество на земле, столько люди предаются наивным упованиям, детским страхам, сомнительным верованиям, несбыточным надеждам – словом, коснеют в заблуждениях, которые, впрочем, так же органичны нашей природе, как врожденное скопидомство, хотя каждому доподлинно известно, что скопидомничать – это глупо, поскольку «ржа истребляет, а воры подкарауливают и крадут». Положим, какой-нибудь проходимец завоюет от безделья полмира, а перед ним благоговеют, как перед гением всех времен и народов, словно он выдумал алфавит. Или, например, явится обормот, который провозгласит, что для всеобщего и полного счастья нужно по четвергам спать в валенках, и все спят в валенках, изнывают от благодарности за науку, когда по утрам просыпаются в предвкушении счастья, а благодетель столетиями живет в их сознании на положении полубога, как египетский фараон.

Правда, с течением времени многие заблуждения тускнеют и рассеиваются, но им на смену тотчас приходят новые, как по мере взросления человека на смену скарлатине приходит коклюш, потом гонорея, диабет, остеохондроз и аденома предстательной железы.

Вот к чему бы это? То есть зачем человек устроен таким образом, что ему необходимо всю жизнь путаться в заблуждениях, пока уже на смертном одре он не придет к уникально верному заключению, что «единственное настоящее несчастье – это собственная смерть»... Может быть, затем, что человек задуман Создателем не как результат, а как процесс, и чтобы он не захандрил, не скис совершенно, подавленный гармонией формы и содержания, да не ударился бы, чего доброго, в обратную эволюцию, ему нужно время от времени давать встряску, периодически гоняя от одного заблуждения к другому, и, таким образом, держать в неусыпном движении, которое обеспечивает роду людскому вечное бытие.

И ведь действительно: в случае с человеком, существом, что ни говори, стоящим обочью природы, гармония прямо губельна в рассуждении императива «что покоится, то отмирает, что движется, то живет»; недаром не исполнилось ни одно из предначертаний великих гармоников от Платона до нашего Николая Федорова, мечтавших об идеальной организации общества, – даже так: когда наступит эра всеобщего благоденствия и все будет как будто прекрасно, *и лица и одежды, и души и мысли*, вдруг окажет себя какой-нибудь подлый атавизм, вроде взяточников борзыми щенками, который как раз обеспечит продолжение бытия.

Следовательно, история заблуждений – это тоже наука, поскольку сами-то заблуждения необходимо объективны в положении человека (или объективно необходимы), как крыша над головой. И все-таки тяжело мириться с отважным и даже дерзким легкомыслием наших предков и современников, особенно из соплеменников, которых исстари шатает от проходимцев к обормотам и от мировой революции к ставке рефинансирования, как пьяного шатает от забора к электрическому столбу. То у них Земля плоская, ровно блин, то самодержец не человек, а помазанник Божий, то призрак (?) коммунизма бродит по Европе, то книга – лучший подарок, то единая валюта – решение всех проблем. Но вот вопрос: много ли народу стало разумнее, добрее, счастливее от того, что нынче всем известно – Земля не плоская, а шарообразная, ну разве что мы стали несколько спокойнее, поскольку это сведение никак не укладывается в голове.

Тем не менее очень хочется разоблачить кое-какие коренные заблуждения человечества, и даже не с принципиальных позиций, а так – из досужего озорства.

Сначала люди считали своим предком тотемное животное, скажем, лисицу или бобра, потом они долгое время держались того мнения, что их сотворил Бог (мужчину из глины, женщину из ребра), а сравнительно недавно, в середине XIX столетия, вывели свою родо-

словную от обезьяны, в которой действительно есть что-то родственное, симпатичное, и это еще хорошо, что от обезьяны, а не от крокодила или птицы-секретаря.

Так откуда же мы родом, и какая неведомая сила вдохнула в нас способность к соперничанию, понятие о чести, неукротимую любознательность, совесть, мысль? Этого никто не знает, и, думается, никогда не узнает, но кое-какие догадки есть.

Именно потому, что люди вооружены фундаментальными качествами, не известными в природе, которых в ней никогда не было и нет, как избушек на курьих ножках, вроде совести или понятия о чести, человек не мог развиваться из какого бы то ни было низшего существа. Кстати заметим, что, кажется, последний из алхимиков, божественный Исаак Ньютон, двадцать лет пытавшийся получить золото из презренного свинца, и тот потерпел провал.

И немудрено, поскольку в природе ничто не берется из ничего, а шимпанзе в качественном отношении – это как раз ничего в сравнении с человеком, как вирус и спичечный коробок. Когда одноклеточное возвышается до кистеперой рыбы в ходе естественного отбора, а кистеперая рыба из любопытства выбирается на сушу и превращается в динозавра – это понятно, потому что между одноклеточным и динозавром принципиальных отличий нет: оба только и делают, что питаются и размножаются, питаются и размножаются, и не способны на мало-мальски отвлеченное действие, положим, они не могут раз-другой ковырнуть в носу. Шимпанзе, правда, иногда ковыряет в носу, и даже задумчиво, но это предел ее сенситивных возможностей, и вот крокодил, который на миллионы лет старше человека, – по-прежнему крокодил, и сам великий Дарвин мог получиться от прачки и жестянщика, но это более чем сомнительно, чтобы *homo sapiens* произошел от человекообразной обезьяны по причине природной социальности и в результате совместных трудовых усилий, потому что и усилия-то были диетические, и стадность – явление обыкновенное в животном мире, и шимпанзе – убогая дурында, известная специалистка по части блох.

Разве что обезьяна вроде шимпанзе могла послужить базовым материалом для выведения человека, но не более того, поскольку люди составляют совсем уж фантастический вид в рамках класса млекопитающих, и, видимо, у неведомого селекционера имелся в запасе какой-то фокус, который и определил нашу историческую судьбу. Иначе не понять, почему вдруг (именно что вдруг, *с точки зрения вечности*) на земле появилась некая трансценденция, в частности, способная сознательно действовать себе во вред ради абстракций, которая начала с того, что стала прикрывать срам. Ни одно дыхание мира не стесняется гениталий и свободно оправляется на виду у своих сородичей, а человек стесняется, поскольку он почему-то этичен и почему-то такого высокого о себе мнения, что он первым делом обозначил свою исключительность, прикрыв срам, отмежевался от матери-природы, где все питается и размножается, все бесстыдно и существует неведомо для чего. А человек еще и рисует (кроме того, что стесняется), едва заведясь на просторах Африки, то есть зачем-то приукрашивает природу, тонко чувствует звуковую гармонию, сознает ограниченность во времени и в пространстве, и оттого сложно погребает своих покойников, и тем не менее он предчувствует бесконечность субстанции, которая им понимается как «душа».

Как только закончилась эпоха матриархата, так сразу распространилось заблуждение, будто «курица не птица, баба не человек». Очень даже человек, но по-другому, не так, как наш брат мужик, в частности, неряха, пьяница и лентяй.

Скорей всего, фальшь насчет вспомогательного предназначения женщины (как придаточного по хозяйству и ходячего инкубатора) возникла просто-напросто потому, что мужчина намного сильнее своей подруги, но ведь и слон сильнее мужчины, а он безропотно повинуетя мальчишке-погонщику и существует на тех же правах, что и мелкий рогатый скот. Женщина точно слабее нас, мужиков, но зато она куда последовательнее слушается заповеди «не убий»; мужчина изобрел радио и даже губную помаду, а женщина в этой обла-

сти, кажется, вовсе не замечена, затем что у нее своих дел по горло, но зато она работоспособней и не так нервно относится к тому, что плохо лежит; женщина не столь сильна в качестве творца прекрасного, но, сдается, только потому, что сама прекрасна, и если бы она еще сочиняла героические симфонии, то это уже получился бы перебор.

Мы даже в дурных человеческих качествах друг друга стоим: их сестра, как правило, мстительна и неширока, мужчина вспыльчив и беспечен, она предана, как аист, но бессовестно лукавит, когда уверяет вас, что все четыре раза выходила замуж по безумной любви, мужчина прямолинеен, благостен, но ходок.

И все бы хорошо, и высокая гармония соединила бы нас в нерасторжимое целое, кабы мы вполне сознавали свою человеческую должность, а то пошли мужчины с женскими ухватками, а среди женщин объявилось множество мужиков, именно феминистки, премьер-министры, военнослужащие, дельцы, а это уже уродство, как национал-социализм или европейский единорог.

Бывают заблуждения древние, укоренившиеся, например: Бог есть; Он обретается где-то «на небеси» в окружении архангелов, ангелов, херувимов и серафимов, святых и праведников, возлежащих на ложе Авраамовом, причем Бог имеет определенное физическое обличье, непосредственно руководит процессами вселенскими и земными, наставляет и попускает, лично знает каждую былинку в мироздании, видит все и слышит все, вникает в самые сокровенные наши помыслы и дела.

А бывают заблуждения сравнительно молодые, относительно новомодные, например: Бога нет; Вселенная сама собой зародилась в результате Великого взрыва, жизнь на Земле развилась как следствие случайных химических реакций, человек произошел от макаки и заматерел в известных формах благодаря пристрастию к коллективному труду, миром правят объективные законы развития всего живого и неживого, которые черт его знает откуда и взялись, хождения Христа – бабушкины сказки, и никакого Страшного суда не предвидится, так что гуляй, Ваня, напропалую, в худшем случае лопух вырастет, как обещал знаменитый тургеневский нигилист.

На самом деле выходит не так и не сяк, а эдак: Бог есть, и это скорее всего, даже на взгляд осторожно мыслящего человека, но бытие Его неизъяснимо, а природа не поддается никаким силам воображения, или, как говорили в старину мудрые люди, «мы знаем, что Бог есть, но мы не знаем, что Он есть».

Может быть, Бог есть закон, вернее, свод непреложных законов развития всего живого и неживого, и тогда понятно, откуда на нашу голову сваливаются стихийные бедствия, социальные потрясения, избыточное зло и нестерпимое горе, потому что всемогущий Бог-закон сам через себя не может переступить. Возможно, Он – непостижимая по своей сути, но как-то оформленная сублимация творческого духа, которая некогда наладила потехи ради миниатюрную модель самого себя, выбрав в качестве полигона небольшую уютную планету в галактике Млечный Путь, и тогда понятно, отчего человек – тоже сублимация, неистощимый выдумщик, способный воплощать буйные свои замыслы в нечто такое, чего в природе до него никогда не было. Не исключено, что Бог есть нравственный абсолютизм, основание духовного здоровья рода человеческого, и тогда понятно, почему хороших людей несравненно больше, нежели плохих, и уголовные преступники – просто больные люди, которых нужно изолировать и лечить. Также не исключено, что Бог – это умышленное единство людей через нравственный абсолютизм, нерушимый союз живущих и прежде живших, которые вкуче составляют Господа, как первочастицы составляют все вещное и невещное, и тогда понятно, почему «в конце концов побеждают идеалисты», как утверждал Томаш Масарик, профессор и президент. Возможно, Бог есть прежде всего любовь, на чем настаивают протестанты, некое романтическое внушение, управляющее людьми, и тогда понятно, отчего

нежное чувство привязанности испытывает даже такая сволочь, как растлитель малолетних и террорист. А то, может быть, Бог – это и то, и другое, и третье, и четвертое, и любовь.

Ясно одно: Он есть, и даже невозможно, чтобы Его не было, потому что есть человек, это чудо из чудес, противоестественно возвышенное существо, способное творить добро вопреки выгоде или, по крайности, освоить в младенчестве невероятно трудный язык взрослых, вроде русского, да еще в смехотворно короткий срок.

Бог есть уже потому, что мы испокон веков задаемся вопросом: а есть ли Бог?

Единственное, чем Создатель обделил род людской, когда налаживал свой всемирно-исторический эксперимент, – это чувство (или, лучше сказать, знание) меры, которым владеют все бездушные существа: львица и не подумает охотиться на парнокопытное, если она сыта, сойка выведет столько птенцов, сколько она в состоянии прокормить, заяц не знает, что он заяц, – и ничего.

А человек алчен, ненасытно любознателен, мастер ломать и строить, в больших скоплениях агрессивен насчет соседского добра, он даже ненавидит деятельно и может покончить жизнь самоубийством из-за любви.

Поэтому и простого знания Бога ему мало, а требуется пресуществить это знание в определенные формы, соответствующие силам воображения, родовому темпераменту, особенностям климата и понятию о добре. Вот почему в богостроительстве, которым издавна увлекается человечество, слишком много человеческого, отсебятины, недаром на земле так много оппонирующих друг другу или даже взаимоисключающих верований и церквей.

Между тем вера во Всевышнего – это, по существу, и не вера вовсе, а *чувство* Бога, религия – представление о Нем, а церковь, как то евангелическая, старообрядческая, шиитская и прочие, – представление о представлении и, в техническом смысле, такая же контора, как совнархоз.

С другой стороны, церковь есть часть культуры человечества и, может быть, самая значительная ее часть хотя бы потому, что она окормливает народ еще и эстетически, так как совмещает в себе литературу, театр, живопись и музыкальное искусство, а культура, в свою очередь, – нерушимая система условностей, которая обеспечивает существование роду человеческому, как инстинктивность обеспечивает жизнь животным от инфузории-туфельки до слона. По этой причине безусловно насущна и не подлежит ревизии, например, такая условность, как венчик на лбу у покойника, похожий на проездной. Ведь православный человек и крестится справа налево не потому, что отправление крестного знамения с севера на юг гарантирует ему бессмертие души, а потому что так повелось со времен схизмы, потому что так крестились поколения наших предков, и отступить от этой традиции в угоду гордыне ли или из склонности к преобразованиям – глупость и дурной тон.

Наконец, церковь есть последнее прибежище нашего мятежного духа, центроостремительная сила, способная соединить людей одной крови в истине или в предрассудке, вытекающем из истины, когда нас уже ничто не может соединить, ни буржуазные ценности, ни коммунистическая догма, когда в зрелые годы человек начинает ощущать некую бездомность в обветшавших тенетах своей телесности и ему бывает очень не по себе.

Вот еще одно стародавнее заблуждение: будто бы все знаменитые люди, некогда действовавшие в истории, суть настоящие герои и наглядный пример подрастающему поколению, как кроить и строить свою судьбу.

На самом деле в девяноста девяти случаях из ста это были зловредные проходимцы с мухой в голове, необразованные, человеконенавистники, легкомысленные до крайности и неспособные к положительному труду.

Сама история человечества, сколько оно себя помнит, началась с того, что мифический (а может быть, и не мифический) герой Прометей украл у богов огонь, то есть с банального воровства.

Или возьмем точно не мифического героя Александра Македонского: вроде бы доблестный воин, выдающийся государственный деятель, гениальный стратег, покоривший чуть ли не всю ойкумену, а чего ради он ее покорил – это поди спроси. И ведь из хорошей семьи был человек, у Аристотеля учился, а ничего лучше не придумал, как мобилизовать боеспособное юношество своего царства и отправиться с ним к черту на кулички, попутно вырезая туземное население и маниакально насаждая новые города. Зачем, почему, что вообще имелось в виду – неясно; то ли Александру просто не сиделось дома, то ли ему вздумалось что-нибудь такое отчудить, чтобы наверняка оставить свое имя на скрижалях истории, то ли он решил объединить народы ойкумены под эгидой всемирного государства, вроде Третьего рейха, и тем самым приобщить дикарей к благам античной цивилизации, то ли его разбирало любопытство на тот предмет, кончается или не кончается земля за следующим поворотом, и нет ли где людей о двух головах, то ли он характером был путешественник и драчун. Как бы там ни было, кончились его похождения плачевно: он умер молодым человеком, за многие тысячи километров от дома и совсем не героически (вроде бы от болотной лихорадки), империя его моментально развалилась вследствие того, что неблагодарные дикари презрели блага античной цивилизации, но, правда, имя осталось-таки в веках, хотя он был не столько великий полководец, сколько негодник и шалопай. Вот если бы благодаря имени, которому суждено остаться в веках, было легче, утешительней помирать от болотной лихорадки, тогда понятно; но это вряд ли – помирать тошно во всяком случае, и, следовательно, незачем было колобродить в лучшую пору жизни, когда можно понаделать много полезных дел.

Легкомысленней этого греческого царька, или незадачливей его, что ли, был только вождь сравнительно малочисленного монгольского племени по имени Темуджин и по прозвищу Чингисхан. Был он человек совсем неграмотный, но с помощью тибетских писцов умудрился сочинить Великую Ясу, дурацкий свод дурацких законов, и, вообразив, что это первый юридический документ в истории человечества, решил навести правопорядок у соседей на западе и востоке, чего ради пустился на них войной.

В отличие от знаменитого монгола, провинциал Наполеоне Бонапарти был человек более или менее просвещенный, но чего им двести лет гордится прекрасная Франция – это тоже поди спроси. «Комеди франсез» он, спору нет, учредил, новый уголовный кодекс составил, и консервы при нем изобрели, но зачем он потащил полмиллиона своих солдат на другой конец Европы, в заведомо варварскую Россию, страну снегов и заборов, где медведи на улицах городов – такое же обыкновенное дело, как гуляющие девки на *place Pigal*? Пишут, будто бы восточный поход Наполеон предпринял для того, чтобы наказать русских за нарушение континентальной блокады и бурную реакцию нашего Александра I на расстрел герцога Энгиенского, а мы так полагаем, что просто французский император был недалекий и взбалмошный человек. Да еще он отличался некоторыми уголовными наклонностями, например, фальшивомонетничал в государственном масштабе, подделал завещание Петра I, обозами вывозил из Москвы серебряные ложки, до нитки обобрал наших крестьян, на беду живших вдоль старой Смоленской дороги, которые были совсем уж ни при чем и слыхом не слыхивали про французское *liberté*.

Но вот гордые галлы третье столетие твердят, что Наполеон – гений; ничего себе гений, соображаем мы: вроде бы квалифицированный военачальник, не знающий поражений, вроде бы крупный государственный деятель, почитаемый во всем мире, и вдруг он отправляется с войском на край света, в страну, о которой не знает ровным счетом ничего, в течение полугодя теряет всю свою огромную армию, при этом не проиграв ни одного сражения, сам едва

спасается от казачьего разъезда и в конце концов оказывается на острове Св. Елены в наказание за дурость и буйный нрав.

По-настоящему гением был главный оппонент французского императора, Михайло Илларионович Кутузов, тихий старик, который нашего солдата жалел, русской кровью дорожил и, не выиграв ни одного сражения, распатронил неприятеля в пух и прах.

Сейчас не то, а еще лет тридцать тому назад русачок, если кто помнит, испытывал необъяснимое благоговение перед иностранцем, и даже всенесчастный амазонец, которому довелось бить баклуши в одном из наших университетов, пожалуй, чувствовал себя божком, хотя бы он до конца курса не отличал точки от запятой.

Откуда взялся этот комплекс неполноценности, как раз понятно: от бедности; то есть дело в нашем злокачественном быте, в недоступности мелких вещественных радостей вроде человеколюбиво пошитых штанов, обидной убогости наших городов и весей и еще в том, что мы тогда были беспросветно увлечены коммунистической доктриной, из которой логически вытекала всяческая серость, униформа, некрасота. То-то мы снизу вверх смотрели на людей Запада, будь это хоть всенесчастный амазонец, отродясь не видевший паровоза, потому что там у них, в тридевяти царстве, тридесятом государстве, свобода слова, изящные автомобили, человеколюбиво пошитые штаны, улицы с мылом моют, и вообще жизнь по ту сторону «железного занавеса» устроена так благонадежно, что незачем помирать.

Это самое «слепое преклонение перед Западом», как некогда выражались наши большевики, тем более удивительно, что прежде русские люди его ведать не ведали, и нам не завещали этого недуга праотцы. В старину европейцев (они же христопродавцы) на Руси боялись и не любили за схизму, нелепые наряды, нахальство и дикие языки, поневоле привлекали только искусных воителей и лекарей, но держали их в гетто на Яузе, за высоким тыном, и запрещали православным водить с ними знакомство под страхом отсечения головы. После, в течение двух столетий, русские держали европейцев больше на положении обслуги и тоже не особенно жаловали, если не брать в расчет своих немцев, которые, впрочем, обрусели до такой степени, что по утрам пили горькую, дрались с крепостными и свободно запускали десницу в государственную казну. Одним словом, это до чего же надо было довести русского человека за какие-нибудь семьдесят-восемьдесят лет, чтобы он видел в каждом малограмотном иноземце чуть ли не высшее существо, которое живет как бы в другом измерении, а если и помирает в силу непреложного закона природы, то в это верится не вполне.

Справедливости ради надо сознаться: одно время Россия и впрямь благоговела перед Европой – это когда считалось, что свет идет с запада, а не с востока, от прямых наследников античных цивилизаций, из Лондона и Парижа, этих цитаделей просвещения, гуманизма, гражданских прав, где простонародье по утрам пьет кофе и читает толковые словари. У этой симпатии были свои резоны, поскольку вся культурная Россия тогда бредила немецкой классической философией, а у нас в этом жанре отличался бедолага Чернышевский и больше не было никого; с другой стороны, мыслящий русак был раздосадован тем, что свое-то простонародье увлекается водочкой да квасом, вместо чтения скрашивает досуг межевскими войнами и может подпустить барину «красного петуха».

Что ни говори, а при таком разительном диссонансе устоять было невозможно, и мало того что вполне патриотически настроенная интеллигенция два столетия по-французски говорила, она еще самым серьезным образом считала Европу средоточием высших достижений культуры и гражданских добродетелей, родиной романтизма, школой самопожертвования во имя идеалов справедливости и добра. Между тем настоящая Европа, какая она есть, была у наших предков под носом, в Подъяческих переулках, где квартировали шарманщики-итальянцы, которые носили цилиндры и сюртуки, в рукава не сморкались, но за

пятачок медью соглашались выкинуть такую неприличность, на какую вряд ли отважился бы наш пьяненький бородач.

В том-то все и дело, что со времен Джордано Бруно не было той Европы, какой она грезилась нашим идеалистам, эту Европу, по едкому замечанию Герцена, выдумали в Сивцевом Вражке и, можно сказать, со зла; со зла на Российскую империю вообще и, в частности, на архаичные государственные установления, азиатские нравы простонародья, безвылазную бедность, грязь и смрад, повальное воровство, половецкие ухватки сановников и царей.

Понятное дело, у Европы не отнимешь «Великую хартию вольностей», Сервантеса, родоначальника литературы, пружинные матрасы, паровоз, интегральное исчисление и презловутое *liberté*. Однако же последнюю ведьму немцы сожгли чуть ли не в середине XVIII столетия, когда у нас была отменена смертная казнь даже за государственную измену, нынешняя площадь Согласия в Париже, где якобинцы воздвигли первую гильотину, так провоняла гниющей кровью, что горожане потом долго обходили ее стороной, фашизм родился не на Тамбовщине, а в благословенной Италии, и удобрять пашню человеческим пеплом выдумал не Вавилов, и вот-вот скотоложество легализуют тоже самое не у нас.

В действительности Европа, вообще Запад, – это такая опрятная, благоустроенная, вышколенная страна, где всем решительно наплевать, Земля ли вращается вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли, где паровоз – не овеществленное торжество человеческой мысли, как у русских, а исключительно средство передвижения, где живут по преимуществу самодовольные простаки, которые слыхом не слыхивали о Джордано Бруно, удавятся за копейку, обожают карнавалы, постоянно улыбаются на всякий случай, как помешанные, и настолько неинтересны друг другу, что они между собой говорят только о погоде и о том, кто у кого завелся на стороне.

Вот, собственно, и вся Европа, какая она есть, плюс вездесущие японцы и толпы зажившихся старичков.

Мы тоже хороши. Вдруг в середине позапрошлого, XIX столетия, в нашем медвежьем углу завелось целое учение на тот счет, что-де Россия – это во всех смыслах особь статья, что-де русские – самая здоровая нация на планете, у которой в заглавнике имеется собственная, уникальная стратегия развития и которой суждено все человечество наставить на путь истинный, нужно только попутно не растерять своей самобытности, включающей в себя, кроме всего прочего, кислые щи, лучину и малахай. Удивительно, что это блажное учение (непонятно почему названное «славянофильством») не в Англии выдумали, где метро построили в том же году от рождения Христова, когда у нас отменили рабство, а именно что у нас, сирых и убогих, темных и забытых, в захудалой, воровской стране, где тучные черноземы давали самые низкие урожаи в Европе, помирал, едва народившись, каждый второй младенец, читать-писать умел один человек из ста, на двадцать два миллиона квадратных километров приходилось всего две шоссейные дороги и единственным национальным видом спорта был массовый мордобой.

Мы, русские, точно народ отдельный, не похожий ни на кого, но из этого, кажется, не следует, что боярский синклит нам органичнее, чем двухпалатный парламент, больше к лицу лапти, нежели штиблетные ботинки, подсечное землепользование у нас выгоднее трехполья, Сивка-Бурка практичнее, чем паровоз. В действительности мы такие же люди, как все, общего индоевропейского корня, даром что чрезмерно самобытны, выдумщики, сравнительно безобразники, по временам вояки, по временам миротворцы, во всяком случае, русские несколько не лучше и не хуже немцев (возьмем это понятие широко). Немцы изобрели книгопечатание и микроскоп, русские – радио и телевидение, у них есть Шекспир, у нас Достоевский, и у них футбольные фанатики – отщепенцы, и у нас отщепенцы, ну разве что в Англии полиция взяток не берет, а так и на Альбионе теперь рецессия, и в России дела

плохи, и запросы нас одолевают международные, одинаковые, по преимуществу «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Но тогда, спрашивается, с какой стати России суждена иная, уникальная историческая судьба, тем более что и Германия, и наше богоспасаемое отечество равномерно прошло через феодализм, капитализм, империализм, социализм, в разных, правда, редакциях, потом опять ударились в капитализм, причем отягощенный институтом «гастарбайтерства», а нынче и мы и они головы ломаем, как бы нам выйти из тупика...

Признаться, в отличие от народов устоявшихся, более или менее вменяемых, то есть не настолько отравленных романтическими настроениями, мы любим пускаться в эксперименты, например, мы было задумали в 1917 году наладить общество абсолютной справедливости, но очень скоро потерпели фиаско по всем статьям. И поделом: не модничай, не мудруй, помни французскую максиму «Счастье обретается только на проторенных путях» и соображайся с возможностями слабого человека, который покуда не достоин царствия Божия на земле.

Словом, неясно, с какой стати в нашем медвежьем углу завелось учение, над которым еще Гоголь насмеялся, обозначив его девизом «Смотрите, немцы, мы лучше вас». Тем более неясно, что наши теоретики «славянофильства» были люди отлично образованные, умники и всячески комильфо. Так надо полагать, что рекомое учение, опять же, вышло из национального комплекса неполноценности, поскольку, что ни говори, а со времен «Салической правды» мы отставали от Европы примерно на триста лет. Обидно все-таки: мы такие умные, утонченные, при душе, о монадах по Лейбницу беседуем, а у нас под окнами сплошная азиатчина и разор; у нас людьми торгуют, мальчики (со слов Салтыкова-Щедрина) поголовно щеголяют без штанов, законы есть, но словно бы их и нет, народ сидит на одном хлебе, которого не всегда хватает до Рождества. И не просто обидно, а до того обидно, что поневоле сочинишь панегирик родному краю с упором на «светлое будущее», благо действительно есть чем покичиться перед прочими народами, например: у нас самый богатый в мире ругательный вокабуляр, лесов, полей и рек девать некуда, нигде нет крестьянской общины, предтечи коммунизма, а у нас есть. Посему «разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог».

Первый русский славянофил Павел Иванович Пестель, теоретик и вождь Южного общества декабристов, до того даже был раздосадован дисгармонией между Лейбницем и мальчиками без штанов, что задумал перевести все без исключения иностранные, заимствованные слова на русский язык, в чем, однако, не преуспел; ну не переводятся по-русски, хоть ты тресни, «академия», «музыка», «бельэтаж», и все попытки принудительно вывести соответствующий аналог только к тому и приводят, что в результате получается смешная белиберда.

И чего, спрашивается, было расстраиваться, чего изводить себя словотворчеством, если и у немцев нет своего, природного существительного для понятия «конституция», а похитили они это слово у древних римлян, а «математику» украли у афинян, и вообще, с точки зрения античного человека, и мы – варвары, и они – варвары, обогатившие свой язык плагиатом, только они расположились поблизости от очагов древних цивилизаций, а мы возмутительно далеко.

Уже тем может утешиться гордое русское сердце, что ни один народ в мире не способен трансформировать наречие в существительное, а мы пожалуйста – «авоську» вывели из «авось».

Уж на что Лев Толстой был мудрец, а и того российская действительность, можно сказать, оставила в дураках. Лет шестьдесят этот гений водил пером по бумаге, тридцать лет искал Бога и, наконец, пришел к заключению, что по-настоящему счастлив тот, кто не ест убоины, неукоснительно следует евангельским заповедям, живет черным трудом, ничего не

имеет и ничего не желает, обратно опростился до стадии тульского мужика. Потом эту доктрину подхватили тысячи людей, которые чаяли всемирной гармонии через непротивление злу насилием, и чуть ли не целая церковь из них образовалась, смиренных и трудящихся, инфантильных и неимущих, вегетарианцев и щеголяющих босиком.

Вот что любопытно: доживи Лев Николаевич до 1918 года, как-то продвинулось бы его учение, или нет? Ведь записного толстовца непременно должна была озадачить странная ситуация – ведущей фигурой в стране стал именно что мужик, по преимуществу «плачущий», «кроткий», «алчущий и жаждущий правды», всех заставили пилить дрова, включая бывших фрейлин и профессоров, всяческое имущество отменили, человек опростился до такой степени, что ему не на что огурчика купить, чеке и при желании не окажешь сопротивления, по городам и весям бродят сплошь босые вегетарианцы, а счастья как не было, так и нет.

И даже все сложилось как будто наоборот: кругом ужасы и вопиющее хамство, бескормица и насилие, братоубийство и самодержавие похлеще Романовского, даром что человек пошел на все уловки, все наставления Льва Толстого исполнил, чтобы достичь вселенской гармонии и мира в самом себе.

А еще говорят, что ключ от социального благоденствия и согласия человека с природой нужно искать не во внешних условиях жизни, а непосредственно в человеке как самодовлеющем существе. Однако на проверку выходит, что и условия жизни ни при чем, и человек сам с собой справиться не может, и вообще дьявол его знает, где искать этот проклятый ключ, почему нам всегда хорошо и всегда плохо, независимо от того, чему нас учат в школе и кто там засел в Кремле.

Следовательно, тут прямой навет и надругательство над личностью, когда про нас говорят: человек – это такая скотина, что его никаким учением не проймешь.

Ужасное недоразумение: машины становятся все лучше, а человек все хуже. Ну, не то чтобы хуже, а проще, как-то недостовернее и скучней.

Достоверный человек жил в позапрошлом столетии, при спермацетовых свечах, печном отоплении, конной тяге, когда еще устраивали музыкальные утренники для детей и взрослых, дамы носили муфты, подлецов урезонивали на шести шагах, либералы препирались с правительством и молодецкой походкой всходили на эшафот. И в прошлом, XX веке, еще водился достоверный человек, когда уже трамваи ходили, самолеты летали, радио говорило, миллионы людей свято верили в социалистический способ производства и распределение по труду.

Что интересно: ни тогда, ни прежде железные дороги отнюдь не входили в противоречие с подвижным контрапунктом строгого письма, который выдумал композитор Танеев, а электрическое освещение – с общественно-экономическими иллюзиями, и множество просвещенных людей придерживались того мнения, что научно-технический прогресс малопомалу избавит род людской от тягостных забот о хлебе насущном и освобожденный человек, наконец, пресуществит свою природную склонность к прекрасному в идеальные государственные учреждения, небывалые произведения искусства, новые, высокие этические нормы и другие радостные дела.

Не тут-то было; наука и техника дошли уже до того, что не сегодня-завтра можно будет сложить живого человека из отдельных атомов, а после разобрать его на донорские органы про запас, а вот о новой, высокой этике, кажется, не слышать. То есть на проверку оказалось, что человек сытый, одетый-обутый, занятый на работе только восемь часов в сутки, меньше всего расположен выдумывать идеальные государственные учреждения, влекомый природной склонностью к прекрасному, а тянет его к телевизору, этому рассаднику всяческой дури, на дискотеку, пивка попить, как-нибудь набезобразничать от скуки, потому что шестнадцать

часов досуга простому человеку не перенести. Ведь это шутка сказать, американцы на Луну слетали, а каждый второй гражданин Соединенных Штатов не понимает того, что в газетах пишут; Леонардо да Винчи еще когда изобрел подводную лодку, а вечный Рим – самый воровской город в Европе; наша Россия, неисчерпаемый источник художественных галлюцинаций, до того осатанела, что у нас за колючей проволокой остывает один человек из ста; в Лондоне, цитадели научной мысли, попрошайек больше, чем сизарей.

Сдается, что наука существует сама по себе и, главное, для себя, что ее источник – более или менее праздное любопытство, необоримое, как стихия, которое может куда угодно завести и которое одинаково довлеет и нашим бабушкам, дежурящим на лавочках у подъездов, и физикам-теоретикам, мудрующим над тайнами вещества. Сдается, что техника, плавно вытекающая из науки, напрямую занимается растлением человека, поскольку она стремится усладить его физическое бытие и постепенно высвобождает первобытные инстинкты для свершений по преимуществу неблагоприятных, а то и непосредственно работает над средствами уничтожения всего сущего на земле.

Бессмысленное это дело, наука, – вот какой получается парадокс. Вон Иммануил Кант при сальных свечах писал, и ничего, убедительно писал, Гераклит лечился навозом и прожил счастливую жизнь задолго до изобретения пенициллина, наш Карамзин добирался до Парижа в рессорном экипаже и в результате целую путеводительную книгу написал, а нынешний Ваня Сидоров, который благоговеет перед наукой и лечится химикатами, домчится до столицы мира за четыре часа с минутами и чувствует себя избранником небес, поскольку-де ему выпало родиться в эпоху электронной бомбы и ацетилсалициловой кислоты. Между тем настоящим избранником будет тот, кому повезет родиться в эпоху всеобщего духовного благоденствия, если, конечно, она придет.

Все-таки наивен человек, до смешного наивен по той причине, что ему невдомек: писать письма куда интереснее, чем трепаться по телефону, «барские» дрова слаще центрального отопления, «тише едешь, дальше будешь», Иммануил Кант неизмеримо содержательнее телевизора, а теория относительности не сделала ни одного босняка ни счастливее, ни мудрей. Разумеется, ничего не поделаешь с извечным стремлением человека к познанию мира (оно же праздное любопытство), но, с другой стороны, разумно ли это: тратить неисчислимы богатства, отнятые у бедняков, на создание грозного, всеиспепеляющего оружия, которое даже невозможно употребить?

Со времен Томаса Мора, написавшего знаменитый роман «Утопия», то есть вот уже пятьсот лет, думающие люди с обостренным чувством справедливости никак не отстанут от коммунистической идеи, которая зиждется на том несовершеннолетнем убеждении, будто все зло мира идет от частной собственности на средства производства, и жизнь станет прекрасным сном, ежели эту собственность как-нибудь упразднить.

А впрочем, стойкие коммунистические настроения делают честь роду человеческому, поскольку люди и пьяницы, и воевать они горазды, и не любят, когда что-то плохо лежит, но вместе с тем человек-то, оказывается, романтик, если ему лишней пары галош не надо, а подавай всемирную республику радости и необременительного труда. Конечно, на все шесть миллиардов прямоходящих это правило не распространяется, но ведь не то дорого, чего много, как грязи, а то дорого, что редко, как вольфрам.

В том-то и штука, что развитой человек – по преимуществу романтик, мечтатель (по крайней мере, у нас в России), который неохотно соображается с реалиями времени, особенностями места, природой вещей и практикой бытия. Он следующим манером рассуждает: раз я такой положительный, то и прочие сто миллионов моих сограждан способны работать на общество за прочную пайку и с полной отдачей сил; нужно только прежде вырезать работодателей как класс, поделить по справедливости все, что делится, дать улицам и площадям

новые названия, запретить проклятые запятые, и тогда все сто миллионов народу будут жить равномерно в радости, необидной бедности и любви.

Да вот беда: романтики до чтения не большие охотники, а то их быстро привели бы в чувство известные строки нашего Василия Слепцова: «Социализм может быть только у того народа, где дороги обсажены вишнями и вишни бывают целы». Неудивительно, что мечтаниям Бакунина и Герцена, Чернышевского и Ульянова-Ленина, миллионов романтически настроенных интеллигентов и разночинцев сбыться не довелось. Ну разве действительно работодателей вырезали как класс, а так – запятые не отменили, улицам и площадям в конце концов вернули прежние названия, пашни и фабрики, в общем, делились, но их прибрал к рукам монстр, который действовал под псевдонимом Государство, если два раза в году и радовался народ, то предварительно заложив, как говорится, за воротник. Но главное, соотечественникам не понравилось горбатиться за прочную пайку, и они восемьдесят лет махали молотками так... для отвода глаз.

К самой идее претензий нет, почему многие даже и порядочные люди до сих пор лелеют свою коммунистическую мечту, но, видимо, реалии времени, особенности места, природа вещей и практика бытия оказались таковы, что любая социальная греза, хотя бы и самой гуманистической окраски, была обречена воплотиться во что-нибудь совсем уж фантастическое и безобразное, вроде «диктатуры пролетариата», которую олицетворяет единственный людоед. Допустим, в Англии, где разнорабочие имели какую-никакую ответственность и по утрам баловались газетами, идея Томаса Мора могла бы обрести иные воплощения, поскольку народ там живет все-таки положительный, утопические романы не читающий и не озорник, который со времен войны Алой и Белой розы превыше всего ставит свежеиспеченную булку и нелатанные штаны. Но если человека не кормить и регулярно таскать его на конюшню, то он неизбежно кончит «диктатурой пролетариата» в отечественной редакции, начитавшись утопических романов, а именно сумой, тюрьмой, каторжными трудами на военно-промышленный комплекс и балладами про светлую пятницу, которая обязательно настанет после проклятого четверга.

Иначе и не могло быть в России, на родине каши из топора. Коли матрос Железняк мечтал разогнать английский парламент, коли несколько десятков отъявленных идеалистов, считавших себя материалистами по причине неоконченного среднего образования, смогли в две недели покорить огромную страну, коли потом миллионы и миллионы людей обуял марксизм, причем безотчетно, как мания преследования, коли жизнь человеческая от Владимира Святого стоит в стране две копейки медью, коли принять в расчет иные-прочие сугубо национальные обстоятельства, то неизбежно придешь к убеждению, что «диктатура пролетариата» – это совершенно «по Сеньке шапка», поскольку таковский народ нужно, конечно, накормить, оприютить, как-то одеть-обуть, научить грамоте, обратить в коммунистическую религию, сплотить в единое целое ввиду вторжения иноземцев, но прежде всего таковский народ надо застрашать и держать в узде. Оттого и социализм у нас получился диковинный – очень некрасивый, жестокий, бедный, сирий, неубедительный, какой-то отрицательно неземной.

Идея, собственно, ни при чем, Томас Мор был истинный провидец, и социализм, полный и бескомпромиссный, обязательно настанет, но не скоро и не у нас.

Беспримерный подъем русской культуры в XIX столетии, какого, пожалуй, не переживал ни один народ на всем белом свете, в частности, объясняется тем, что у нас тогда только-только складывался хищнический, дикий, бесчеловечный – словом, крайне несимпатичный капитализм. Во всем цивилизованном мире, где рыночное хозяйство остепенилось, люди давно делом занимались, а в России еще писали и читали, устраивали домашние спектакли, музицировали в семейном кругу, как будто назло Европе, которую обуял низкий денежный

интерес. А всего-то и делов, что мы, как известно, отставали от Запада примерно на триста лет. Нынче, как известно, мы это отставание ликвидировали, и сейчас у нас тоже никто не читает, разве что специалисты и одинокое старичье.

Вот уж действительно «не знаешь, где найдешь, а где потеряешь»; казалось бы, захватывающая идеология наживы во что бы то ни стало должна была отравить сколько-нибудь деятельную и беспринципную часть населения Российской империи, ан вышло наоборот: купечество, конечно, наживалось, фабричные, конечно, работали не покладая рук, однако же дух чистогана пришелся настолько не по нутру субстанционально русскому человеку, который всегда был несколько не от мира сего, что он, вопреки объективному экономическому закону и словно в пику Адаму Смиту, легату сатаны, пристрастился к художествам как средству от действительности, вроде водки и табака. Словно он почувствовал неладное, словно предугадал гибельные превращения будущего и пустился искать спасения в Гоголе и Толстом.

Другое дело, что у нас вообще богатеньких не любят (и даже не из зависти, а по какому-то родовому преданию), и эта антипатия тоже по-своему спасительна, чудотворна, поскольку, во-первых, она отвращает от подлых буржуазных ценностей, а во-вторых, воспитывает исподволь, мало-помалу, хороший вкус. Ведь беда не в том, что капитал эксплуатирует труженика ради извлечения прибавочной стоимости, а в том беда, что капитал, исходя из своей природы, унижает человека до положения участника низкопробных увеселений и усердного едока. Так уж устроено рыночное хозяйство, что оно кругом демократично, то есть зиждется на пошлом простаке и работает на пошлого простака, и вот уже, глядишь, Гарри Поттер помаленьку затмевает Василису Прекрасную, английский идиот под номером 007 – Андрея Болконского, дурацкий мюзикл – оперу, булка с сосиской – кулебяку о четырех углах; а все оттого, что работающий болван – это краеугольный элемент рыночной экономики и столп буржуазного мироустройства, как та же самая прибавочная стоимость и скидки под Рождество.

Что правда, то правда: при всех достоинствах и недостатках современного человека, плюсах и минусах человеческих сообществ капиталистический способ производства остается наиболее эффективным, и, следовательно, работающий болван представляет собой естественный, даже необходимый продукт социально-экономического прогресса, и, следовательно, угасание культуры объективно и неизбежно, как смерть в конце жизненного пути.

Обидно, конечно, но ничего не поделаешь, нужно как-то мириться с тем, что злонамеренные люди обеспечивают низкие цены и товарное изобилие, а доброхоты, как правило, сеют зло; вон медицина уже до того изощрилась в благотворительности, что вдругорядь дарует жизнь заведомым покойникам, хилым и неизлечимо больным, паралитикам, дебилам, критически недоношенным, то есть всячески нежизнеспособному элементу, и в результате мы наблюдаем такое вырождение человечества, которое лет пятьдесят тому назад было трудно вообразить.

Еще и то обидно, что в течение одного столетия власть в России дважды прибирал к рукам Большой хам, – в первом случае это были большевики, во втором тоже негодники из тех, кто был ничем и вдруг стал всем, да еще и насадил свою убогую культуру, которая по сей день строится откровенно неталантливыми людьми, обнимает широкую номенклатуру товаров, наряду с зубной пастой, и потакает низменным наклонностям простака.

Одна надежда: поскольку мы народ странный и у нас все не как у людей, то, может быть, со временем Россия явит миру еще и такую трансцендентность – симбиоз белки и свистка, то есть и капитализм у нас образуется благопристойный, и настоящая культура возродится из ничего.

А ведь было время, когда у нас в России не существовало ни политиков, ни политики, за исключением внешней, а также насчет прекрасного пола, и поэтому крестьяне пьянствовали только по большим праздникам, мастеровые, в общем, вели себя смирно, администраторы административировали, хотя и приворачивали понемногу, в газетах публиковали приятные новости из провинции, а государь Николай Павлович при каждом удобном случае повторял, что он скорее будет отступать до Китайской стены, нежели допустит у себя республику, сиречь правление жуликов и адвокатов...

Как говорится, не в бровь, а в глаз; политика действительно тогда заваривается в стране, и политики (не путать с администраторами) тогда возникают из небытия, как тараканы вылезают из щелей, если свет выключить, когда дают волю жуликам и адвокатам (последние – это те, кто помогает первым избежать уголовного наказания за очень большую мзду).

Россию было пронесло, и до самого последнего времени республиканские страсти у нас кипели как бы по периферии жизни народной, обочь исторического пути. То столбовое дворянство заявит протест против своих исконных привилегий, то генеральские дети примутся стрелять и резать генералитет, а также употреблять против него бомбы домашнего дела, то недоучившаяся молодежь и местечковое еврейство встанут на борьбу за диктатуру пролетариата в самой крестьянской стране Европы, – и только совсем недавно оказали себя жулик и адвокат.

Особенность нынешней политической жизни в России, причем в полной мере спасительная особенность, состоит в том, что этим озорникам фатально не удастся и, видимо, никогда не удастся захватить верховную власть в стране. Это и понятно, потому что они к ней отнюдь не стремятся, а только делают вид, что стремятся, главный же пункт, сверхзадача их кипения на политическом поприще такова: приобрести широкую популярность у русского демоса и через это дело как можно больше наворовать.

Касательно популярности у простонародья – по этой теме вопросов нет; издавна наши Бобчинские-Добчинские только и мечтали о том, чтобы об их существовании узнал государь император, а то ведь действительно сидит человек полжизни в полуподвале, годами точит карандаши, тихо ненавидит начальство, грезит, а тут – рассыпается в прах режим и вдруг появляется возможность заявить о себе во всеуслышание, выкинув что-нибудь совсем уж невозможное, например, сколотив поход гомосексуалистов на Внутреннюю Монголию, чтобы народ в затылках начесался, прежде чем как-то прийти в себя.

Касательно несправедливых доходов – по этой теме тоже вопросов нет; если имеется возможность нажить себе капитал благодаря простофилям, разрухе и не ударяя палец о палец, то почему бы и не нажить...

Из этого следует, что вообще политика, как лосось в собственном соку, – институция в себе и занятие во имя себя, не имеющее никакого отношения ни к государственному строительству, ни к производству материальных ценностей, ни к благосостоянию народному, и даже более того: от политиков одна морока, лишняя суeta. Ведь и ученый, того не желая, благодетельствует человечеству, и от администратора народу бывает польза, а политики от Адама и Евы не решили ни одной проблемы жизни и общества, они их только создают, а впрочем, этот безобразник – существо относительно безвредное, хотя и противное, точно как таракан.

По-настоящему страшно – это когда закоренелый политик, да еще из бессребреников, волею случая выбивается в администраторы, и сразу жизнь как бы останавливается, замирает, словно предчувствуя Судный день. Адвокат Максимилиан Робеспьер, как только дорвался до власти, тотчас принялся сносить французам головы направо и налево, топить духовенство в реках и вводить разные несерьезные новации, вроде праздника Высшего существа. Адвокат Александр Керенский за полгода развалил огромное государство, кото-

рое тысячу лет худо-бедно функционировало до него. Адвокат Владимир Ульянов-Ленин, отродясь не ввернувший ни одной лампочки, упразднил капитализм и затеял строительство вечной социалистической республики, протяженностью как минимум от Берингова пролива до Бискайского залива, но, правда, скоро опомнился, невзлюбил русских, которых вообще знал мало, и вернул России капитализм.

На будущее все-таки хорошо было бы как-то подготовить общественное мнение, гарантированно обезопасить отечество от жуликов и адвокатов, которые могут невзначай прийти к верховной власти, раскассировать хозяйство, раскурочить государственный механизм и даже накликать термоядерную, окончательную беду. Есть несколько примет, по которым загодя узнаешь этих вредителей, например...

Все они большие скромники, простые в общении и непритязательные в быту. Робеспьер снимал комнату у какого-то плотника и на ночь глядя самолично выгуливал двух своих огромных догов, наводя ужас на парижан; Гитлер не пил, не курил, не ел мяса, не интересовался женщинами и очень любил детей; у Ленина был один костюм, он спал на больничной койке и любил цирк.

Или еще такая примета: все жулики и адвокаты, невзначай прибравшие к рукам власть, были собой как-то непостижимо, дьявольски хороши. То есть они могли быть и яйцеголовыми, как Робеспьер, лупоглазыми фанфаронами, как Керенский, мальчикового роста, как Ленин, комичными идиотами с виду, как Гитлер, сухоручками, как Сталин, но в их внешности обязательно было что-то такое, что завораживало простого человека и внушало ему чувство, похожее на любовь. Во всяком случае, русские из долгожителей до сих пор не могут смотреть без умиления на портрет императора Иосифа I, а с немецкими женщинами делалась массовая истерика, когда их вождь выходил в народ.

Одно из самых скандальных заблуждений человечества состоит в том, что для него до сих пор остается непреложной французская фигура речи насчет свободы, равенства и братства, и даже мы исповедуем эти принципы самозабвенно, деятельно, как будто нам больше нечем себя занять.

В действительности никто не знает, почему республика лучше монархии, что такое свобода, чем братство по крови отличается от братства по оружию, и с какой такой стати в систему приоритетов культурного европейца затесалось еще и равенство – в сущности, такая же химера, как философский камень или загробный мир. Ведь ясно же: людей уравнивает одна смерть, что Лейбница, что Джека-потрошителя, что республиканца, что царедворца, и то не вполне, и даже равенства перед законом не может быть, не говоря уже о равенстве возможностей, поскольку пропасть народу никаких законов не признает.

И монархия нисколько не хуже республики хотя бы потому, что она исключает борьбу за власть. Правда, абсолютизм чреват жестокими интригами, противостоянием придворных партий, дворцовыми переворотами и еще опасен в том отношении, что наследник престола может оказаться сумасбродом, шизофреником, серийным убийцей, попросту дураком. Однако же все эти неудобства – ничто по сравнению с теми неизбежными безобразиями, которые вытекают из республиканского образа правления, какой бы материей ни был подбит режим: хоть буржуазно-демократическими ценностями, хоть мечтами про Китеж-град.

Это еще туда-сюда, когда республика существует сама по себе, а народ сам по себе, как в устоявшейся Европе, которая давно оправилась от проделок своих отцов-демократов вроде Кромвеля и Марата, резавших народонаселение почем зря; там у них нынче и голосовать-то никто не ходит, за исключением бездельников и пенсионеров, и редко кто знает, как звать-величать первое лицо государства, и парламентские бдения интересны узкому кругу лиц. То есть людям на дух эта самая демократия не нужна и они живут-поживают в свое удовольствие, а каково нам, бедолагам, сравнительно недавно освоившим понятие «избира-

тельный бюллетень»? Ведь мы еще нетвердо отделяем добро от зла, случайного остолопа принимаем за спасителя отечества, а откровенного стяжателя за посредника между небом и землей, и при этом очень любим голосовать; ведь мы до такой степени неблагополучны, что у нас крысы младенцев едят по дошкольным учреждениям, и в наших условиях какая-нибудь мажоритарная система – это без малого излишество, чуть ли не баловство.

В том-то все и дело, что демократия только тогда по-настоящему власть народа, когда народ понимает, что почем, и ему на дух эта самая демократия не нужна. Слава Создателю, время лечит, и мы, конечно, тоже перестанем остро интересоваться, кто там сидит у нас в Кремле на хозяйстве, но пока то да се, будем держать в уме: демократия в России – это попущение Господне, а республика – не республика вовсе, а диктатура непросвещенного большинства.

Что касается братства, то это точно, что все люди братья при самых миниатюрных различиях в генетическом коде, будь ты хоть бушмен, хоть голландец, но вот вопрос, даже и не один: разве между братьями по крови не бывает недоразумений? разве у нас братья по оружию не разобрались в 1918 году по разные стороны баррикад? разве Каин не убил Авеля? – в Книге книг Библии написано, что убил. Стало быть, и братство – пустой звук, в лучшем случае невразумительное пожелание, непонятно зачем адресованное предбудущим временам.

Что касается свободы, то с ней у русского человека отношения тяжелые, даже и чересчур. Даром что рабство у нас отменили сравнительно недавно, и, несмотря на жестокие притеснения со стороны государства, которые практикуются на Руси со времен первых Рюриковичей, – поверить невозможно: мы, может быть, самый свободный народ на свете. Во всяком случае, нигде не родилось столько ересей, как в России (кстати заметить, родине терроризма), морали в нашей земле нет, есть одна нравственность, «закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло», то у русака царь-батюшка – свет в окошке, то Емельян Пугачев, и он в зависимости от настроения может пахать, а может и не пахать. Тем не менее прогрессивно настроенная молодежь и примкнувшие к ней дядьки, застрявшие в призывном возрасте, около трехсот лет сражались за демократические свободы, по-настоящему жизни не видели, претерпели неисчислимые муки, включая казнь через повешение, – а, спрашивается, зачем?

Выходит, затем, чтобы каждый дурак получил возможность во весь голос заявить о своем существовании, чтобы записной графоман мог свободно публиковать свои бредни на потеху демосу, уголовник – грабить труженика уже на положении работодателя, политик – морочить головы простакам. Ну зачем свобода слова настоящему писателю, вроде Михаила Афанасьевича Булгакова, который и при людоеде Сталине писал, как хотел, или тверскому земледельцу, который и помимо свободы слова в другой раз завернет такую инвективу, что уши вянут, зачем плотнику из Тамбова свобода союзов и демонстраций, если он вообще любит уединение, полжизни успешно демонстрировал свое отношение к начальству и тридцать лет не может наладить союза с родной женой?

Словом, свобода – это для слабых и порочных, а сильный человек всегда свободен, и ему дополнительные послабления ни к чему. Тем более что настоящая свобода – это не что иное, как неотъемлемое право каждого человека принять сторону добра – наперекор условностям, назло тиранам и времени вопреки.

Издавна считается, что «любовь и деньги правят миром», – это и так, но, с другой стороны, не так.

Деньги, с тех пор как их придумали финикийцы, точно страшная сила, фетиш и предмет вожделения для расслабленных и больных, но такое положение вещей – отнюдь не результат развития нашей цивилизации, а варварский пережиток и чистый срам. Это ли не позор для «человека разумного» на всю галактику Млечный Путь, чтобы жизнью миллиар-

дов людей, судьбами народов и государств руководили бы радужные бумажки, похожие на конфетные фантики, которыми некогда баловалась российская детвора. Тем не менее всегда находились люди, вроде бы давно вышедшие из нежного возраста, хорошо образованные и далеко не дураки, которые всю свою бесценную жизнь посвятили накоплению этих самых радужных бумажек, как будто нет других увлекательных занятий и деньги решают все.

Кое-что деньги действительно решают; например, если вы непрезентабельны с виду, терпеть не можете мыть посуду, боитесь хулиганов, не переносите общественный транспорт, лучшую половину жизни прозябали в коммунальной квартире, вас не любят женщины и нет никаких талантов, выделяющих человека из ряда обыкновенного, то за деньги можно вопиюще элегантно одеться, нанять прислугу, обзавестись телохранителями, купить автомобиль ручной сборки, построить себе дворец из каррарского мрамора, завести гарем писанных красавиц, поджечь через подставных лиц храм Христа Спасителя и прославиться на весь мир.

Это, конечно, много, даже избыточно много, но: и при немереных деньгах друзей больше не бывает, слава выходит обыкновенно скандальная, прислуга ворует, автомобиль ручной сборки не заводится в силу московских зим, могут посадить, народ по соседству только и мечтает, как бы подпустить тебе «красного петуха», женщины все равно не любят, и гарем неизбежно формируется из б... Но главное, деньги – это такой крест, что тебе нет покоя ни днем, ни ночью и неукоснительно точит мысль: вот помрешь невзначай от пули наемного убийцы, и ничего-то после тебя не останется, кроме недвижимости и капитала, которые, как ни крути, с собой в могилу не заберешь.

Таким образом, не то чтобы деньги правят миром, а скорее люди, не совсем вышедшие из нежного возраста, для которых богатство – не инструмент, а компенсация за лишения, перенесенные в молодые годы, и месть матери-природе, не давшей ни таланта, ни красоты.

Что до любви, то и она не правит миром, если только это не взрослая любовь к людям, отечеству, родной культуре и Подателю жизни всему сущему на земле. Любовь же как страсть по отношению к представителю противоположного пола – это все же слишком непостоянно, чтобы править миром, дискретно, ограничено возрастными особенностями, нечто больно уж химическое по своей природе и напрямую зависящее от секретов предстательной железы. Наконец, такая любовь – это неэстетично, даже неприлично, потому что, во-первых, очень мокро, а во-вторых, нужно снимать штаны сначала с подруги, потом с себя.

Нормальный человек сравнительно узок, он что-то может, а чего-то не может, например, он может вывести общую теорию поля, но не может настроить донос на соседа по этажу.

Кстати заметить, это заблуждение, будто все люди – люди, разве что они бывают добрые, злые и ни богу свечка, ни черту кочерга; в том-то и беда, что водятся между нами еще и некие странные существа, очень похожие на людей, но не люди, а то ли их какой вирус поразил в утробе матери, то ли послеродовое развитие пошло вкривь и вкось, то ли неосмотрительно воспитали на Гарри Поттере – в результате эти гуманоиды выдались намного шире нормального человека и, кроме всего прочего, могут свободно изнашивать и убить.

Похоже, с этой патологией человечеству не справиться никогда. Ведь уже и «Героическая симфония» написана, и радио давно изобрели, а в Москве жить так же страшно, как во времена набегов крымских татар, которые каждое лето являлись под стены Первопрестольной со стороны Каменного моста.

Причина нашей беспомощности перед гуманоидом в человеческом обличье заключается вот в чем: ведь мы-то люди; нами руководит родовая память, навык любви (по крайней мере, уважения) ко всему живому, предания о прекрасном, вычитанные из книжек, мы естественно законопослушны и аномально привержены понятиям о добре. А гуманоидом,

в сущности, руководит глубокое поражение второй сигнальной системы, и, следовательно, нормальный человек заметно слабее зла.

Это удивительно, но со времен царя Хаммурапи люди практикуют один-единственный прием противостояния злодейству как общественному бедствию, как стихийной напасти – месть. Практика, понятно, сомнительная, если учесть, что тысячи положительных, серьезных людей сначала отлавливают гуманоида, потом судят этого сукина сына, который никаких законов не признает, сажают в тюрьму, надолго или не так чтобы надолго, в зависимости от характера преступления, а после выпускают на волю, сочтя, что они сделали очень важное дело по защите государства от внутреннего врага. На самом же деле общество, которое притворяется христианским, то есть не приемлющим насилие в ответ на насилие, просто-напросто отомстило злодею за преступление, попутно изобличив свою первобытную, варварскую сущность и вконец озлобив этого самого внутреннего врага.

По-видимому, настоящее противостояние гуманоиду может быть только медикаментозным; например, хорошо было бы мобилизовать лучшие умы современности да изобрести какую-нибудь вакцину, нейтрализующую злую волю, вроде противостолбнячной, и пользоваться ею закоренелых преступников до полной адаптации оных к нашим понятиям о добре. На беду, лучшие умы современности заняты вопросами колонизации Марса и происхождением нуклеиновой кислоты.

Вопреки тому устоявшемуся мнению, что воспитание и образование тесно сопряжены, кажется, воспитание – это одна песня, а образование – совсем другая, как «Прощание славянки» и упражнения курского соловья. Ведь бывают же негодяи с двумя высшими образованиями и примерно порядочные люди, едва умеющие писать. Или еще такой нонсенс: не трудно научить ребенка ходить, но служебная собака его все равно догонит, должно обучить его членораздельной речи, но за иные слова можно и пострадать.

Впрочем, в другой раз случается так, что образование действительно способствует воспитанию, например, если выучить историю Третьего рейха, то даже в отношении просвещенных соседей захочется денно и ночно оставаться настороже. Но, с другой стороны, известно, что «во многие знания многая печали», а то услышишь от учителя астрономии весть о бесконечности Вселенной во времени и в пространстве, и сразу станет страшно и как-то противно жить. А какие, спрашивается, добродетели воспитывают в начинающем человеке теория малых чисел? закон Бойля – Мариотта? строение внутренних органов у членистоногих? грамматика португальского языка? Ну разве то самое пресловутое праздное любопытство, которое может простирается слишком уж далеко, вплоть до пункта «где деньги лежат?» или «как выйти замуж за богача?». Может быть, действительно, правы были наши далекие предки, когда утверждали: все, что нужно знать человеку, написано в евангелиях, – а есть ли пролив между Америкой и Евразией, нет ли такого пролива, этим, пусть его, занимается узкий специалист. И то сказать: что мы вообще помним в старости как люди, получившие широкое образование, кроме «не укради» и «не убий»?

Вот что странно: школы воспитания у нашего народа как-то не сложилось, хотя теоретики этого дела были, но зато нигде столько не мудровали над школой в собственном смысле слова, как в России, воссоединившейся с Европой, то есть за последние триста лет. И особенно большевики отличались на этом поприще: то у них вместо классов – группы коллективной ответственности, то вместо общеобразовательных школ – артиллерийские училища, то семилетка, то одиннадцатилетка, то совместное обучение, то раздельное, то платное, то бесплатное, то пятибалльная система, то сарматские *уд* и *хор*. Единственно до самой главной реформы не додумались эти басмачи – давным-давно нужно было поделить пятиклассников на «физиков» и «лириков» и учить детей лишь тому, к чему душа лежит, тем более что ребенку с математическими наклонностями совсем не обязательно знать разницу между

анapestом и хореем, если только он побочно не метроман. Гармонично, всесторонне развитая молодежь – это, конечно, прекрасно, да время ее прошло; время ее было на исходе еще тогда, когда Барух Спиноза свои линзы полировал и атмосферное давление (как Паскаль, передвигавшийся вверх-вниз своим ходом) измеряли с помощью посошка. Ведь в те времена человечество накопило еще так мало знаний, что не трудно было получить энциклопедическое образование, а нынче ни один литературовед, из здравомыслящих и в годах, ни за что не нарисует бензольное кольцо, хоть ты его за это озолоти.

Что же до воспитания, то собственно воспитание – это такая область, где одна загадка налезает на другую, и ничего толком не разберешь. Например, непонятно, почему так случается, что из двух братьев-близнецов один вор-домушник, другой кандидат наук? откуда в процветающих слоях общества берутся сбрендившие и самоубийцы? с какой стати в монархически настроенных семьях вырастают революционеры, исповедовавшие террор? отчего почти у всех великих людей дети выходят придурки и сорванцы? Наконец, неясно, что такое вообще воспитание и управляем ли процесс превращения человека прямоходящего в человека по всем статьям или сила вещей пускает это дело на самотек?..

Вероятнее всего, что напрасны наши ухищрения, так как сила вещей, вероятнее всего, пускает это дело на самотек. Может быть, все воспитание только в том и заключается, чтобы не мешать расти и крепнуть тому, что в ребенке заложено от Бога и пресуществляется через материнское молоко. Ведь младенец прекрасен в ста случаях из ста, даже если он кусается, – он и собою хорош, и человеколюбив, и абсолютно нравственен, хотя не имеет понятия о морали и мокрые пеленки для него основное зло.

Сдается, что зародыш человечности после развивается в человеке как-то сам по себе, в силу случайно сложившихся обстоятельств: под влиянием чудесной музыки, сказок Пушкина, ласкового родительского слова, в результате общения с животными, из-за чувства физической чистоты. В свою очередь, начало бесчеловечности в человеке может заложить одна-единственная спонтанная оплеуха, а там води его по музеям да филармониям, не води, читай нотации, не читай, – вдруг за одним столом с тобой окажется озлобленный негодяй.

По-видимому, собственно родительское воспитание заканчивается тогда, когда заканчивается материнское молоко. В том-то и беда, оттого-то у нас беспримерно высока подростковая и вообще всяческая преступность, что приютов для младенцев в России немногим меньше, чем питейных заведений, что в родильных домах мамы теперь оставляют ежегодно на сто тысяч новорожденных больше, и значительная часть населения нашей страны не нюхала материнского молока.

Темно будущее России, и в том смысле, что просвета не видно, и в том смысле, что это самое будущее затруднительно угадать.

Это прямо тайна, почему трудовой народ издревле, еще со времен Аристофана и Праксителя, кормит и поит своих художников (возьмем и это понятие широко). Ну что разнорабочему, положим, Джованни Боккаччо или Федор Достоевский, если он и читать-то не умеет, коли он по рукам и ногам опутан заботами о хлебе насущном и две тысячи лет коснеет в том заблуждении, что все эти фуги, натюрморты, мизансцены, батманы, сонеты и повести суть барские затеи, которыми от безделья тешится разная сволота...

Словом, это довольно странно, что тем не менее работник худо-бедно кормит художника, и конца этой традиции не видать. Стало быть, тут что-то не так, какая-то очередная трансцендентность просматривается в их отношениях, намекающая на Промысел, на участие Высших Сил. Ведь это по-своему чудо, *deus ex machina*, что даже в наше сквалыжное время художества таки не отменили за ненадобностью, как гужевой транспорт, и писатель с живописцем еще как-то дышат, хотя бы и через раз.

Хочется думать, что общество догадывается, чувствует, шестым чувством доходит: без художественной культуры оно ущербно и не в состоянии полноценно существовать. Такая проницаемость, конечно, умиляет, но в действительности дело обстоит куда серьезней: без художественной культуры, наработанной поколениями безумцев, которые молотка в руках не держали, общество вообще не может существовать.

Человек и завелся-то на Земле прежде всего как художник, именно что «по образу и подобию» Главного Художника, нагородившего умышленно прекрасные миры, и, едва поднявшись с четверенек, стал раскрашивать все, что под руку подвернется, строить капища, что-то такое наигрывать на дудочке и соединять в предания разные пронзительные слова. Как раз сонм художеств, от палочки, раскрашенной в «райские» цвета, до «Героической симфонии» – это, собственно, и есть человек, самая его суть, а не две руки, две ноги плюс бесшабашная голова.

Разумеется, хлеб растить надо, и хитроумные машины строить надо, но если из поколения в поколение только и делать, что плотно закусывать, полдня закручивать гайки, а полдня таращиться в телевизор, то деградация неизбежна и (благородная седина против бутылки пива) мы в конце концов непременно столкнемся с теми ужасающими результатами, которые уже получили или получим того гляди. Если дело и дальше так пойдет, то впереди у нас младенцы, страдающие алкоголизмом, необучаемые школьники, небоеспособное воинство, пораженное рахитом и слабоумием, вконец обленившиеся работники и, что самое страшное, – миллионы бездомных подростков, которые походя зарежут за кошелек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.